

Примечания

¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. Миллера. М., 2004.

² Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; *Burbank J.*

Frederick Cooper. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010; Империя Романовых и национализм. М., 2006; Миллер А. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны (URL: <http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2>).

Андрей Лотменцев

Рец. на: Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 752 с.

Andrey Lotmentsev

(St. Tikhon's Orthodox University, Russia)

Rec. ad op.: Petr II Petrovich Negosh i Rossiya. Russko-chernogorskie otnosheniya v 1830–1850-e gg. Dokumenty. Moscow, 2013. 752 p.

Митрополит Петр Негош известен как правитель Черногории и выдающийся поэт, автор по меньшей мере двух прекрасных произведений – «Слободиада» и «Лучи микрокосма», к сожалению, мало известных русским читателям¹. В данном сборнике освещены его отношения с империей Николая I. Картина получается неоднозначная и очень далёкая от той благостности, которая характерна для представлений о Черногории как верном союзнике России. Следует отметить, что Николай I находился тогда в достаточно сложном положении, стремясь, с одной стороны, в соответствии с традициями, идущими от Петра Великого, оказывать Черногории помощь, а с другой – сохранять после Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. хорошие отношения с Портой.

В каком-то смысле все документы, собранные в книге, можно разделить на несколько основных групп: в первой митрополит просит у России денег и ему их выдают с некоторыми оговорками; во второй – добывается личной аудиенции у Николая I и права приезда для этого в Петербург (тут уже трудности возникают неимоверные: ему обыкновенно не только не дают соответствующего разрешения,

но и не разрешают посещать европейские столицы); к третьей группе следует отнести жалобы соперников владыки, которые всеми возможными способами пытались вызвать у российских дипломатов сомнения в его способностях и честности, выдвигая обвинения в продажности, непопулярности и стремлении к авторитарной власти. Митрополит отвечал тем же. Между строк документов при желании и определённом навыке можно прочесть целый роман с захватывающими интригами и неожиданными сюжетными линиями. Российские, турецкие, австрийские дипломаты по-разному воспринимали положение Черногории. При этом экзерсисы венской бюрократии сочетаются в сборнике с уклончивостью османских чиновников и неподконтрольных им пашей, имевших подчас гораздо большее влияние, а позиция К.В. Нессельроде, неизменно проявлявшего «мудрую проницательность», наталкивается на дикость племён, которые могли бы прожить «в отдалённых азиатских частях».

Читатель, скорее всего, проникнется сочувствием к судьбе Петра, в 16 лет неожиданно-негаданно наследовавшего своему дяде и ставшего вскоре предстоятелем Поместной Церкви и одновременно главой

маленького не признанного в Европе государства без каких-либо административных институтов, постепенно создававшихся им на российские деньги². В XVIII в. черногорские племена вели борьбу против Османской империи, которая так и не смогла их полностью подчинить. Правда, противостоять черногорцам приходилось не столько армии султана, сколько их многочисленным соседям – албанцам, боснийцам, подданным Венеции, капитулировавшей в 1797 г. перед Бонапартом, а затем и австрийским войскам. Был даже период, когда часть черногорцев приняла ислам. Незначительность ресурсов Черногории сочеталась с неистовой храбростью и свободолюбием её населения. Племенная вольница не желала признавать единого управления, и даже при Петре II Черногория больше напоминала Ирландию времён Конхобара и Кухулина, чем Францию Луи-Филиппа или викторианскую Англию. Неудивительно, что история Чёрной Горы знала немало удивительных персонажей, как, например, Степан Малый, провозгласивший себя, подобно Емельяну Пугачёву, выжившим императором Петром III, бежавшим к своим балканским друзьям.

Успехи черногорцев в региональном противостоянии позволили выдвинуться ряду митрополитов, которые, сочетая светскую и духовную власть, приступили к созданию государства. Петр II Петрович Негош являлся среди них, пожалуй, наиболее талантливым. В 10 лет Радивое Петрович был призван своим дядей митрополитом Петром I в монастырь для обучения грамоте, а несколько лет спустя, в 1830 г., на основании завещания скоропостижно скончавшегося владыки, оказался его преемником. Развернулась борьба за власть, отразившаяся и в приведённых в сборнике документах, из которой Радивое-Петр (уже архимандрит, но ещё не митрополит) вышел победителем. Для укрепления своей власти он призвал проживавших в России черногорцев И. Вукотича и М. Вучичевича, создавших отряд его телохранителей и Сенат Черногории.

В 1833 г. Петр посетил Санкт-Петербург, где был хиротонисан во епископа (как известно, Николай I удивился, обнаружив тогда, что ростом он ниже черногорского

владыки – для черногорцев двухметровый рост не редкость). Однако уже в 1837 г. российские власти сделали, кажется, всё, чтобы избежать нового визита владыки. Сперва ему вообще не рекомендовали приезжать, что фактически означало запрет. Когда раздражённый и обиженный Петр собрался в Париж, встретившийся с ним в Вене жандармский подполковник Я.Н. Озерецковский на свой страх и риск позволил ему прибыть в Россию, о чём, вероятно, затем не раз пожалел. Бедного митрополита доставили в Псков, причём по дороге сопровождающие должны были до конца поддерживать в нём наивную веру, будто его везут в столицу («буде же, паки чаяния, преосвященный стал противиться ехать с Вами во Псков... можете дать ему вид, что соглашаетесь на его требование, а между тем отправляйтесь всё-таки на Псков» (с. 345)). Порядком затянувшееся сидение митрополита в Пскове породило, кстати, легенду, согласно которой Петр Негош побывал на могиле А.С. Пушкина и, возможно, даже служил на ней панихиду. Во всяком случае, у Негоша есть стихи, посвящённые Пушкину и свидетельствующие о горячем интересе к его поэзии. Впрочем, поэтические таланты вождя черногорцев долгое время не были оценены должным образом, а его произведения сравнительно поздно получили известность.

Диктат Николая I, запрещавшего главе независимого государства поездку в Париж, выглядит мелочным и жестоким. С другой стороны, нельзя не задуматься о вопиющей зависимости того от России, без которой, по признанию самого Негоша, черногорский проект вообще бы не осуществился. На Балканах Россия играла ту же цивилизующую роль, что и в Азии. Однако часто приходилось констатировать, что «великодушные желания русского министерства не были постигнуты в Черногории» (с. 343), как писал директор Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин (его взгляды и деятельность ещё ждут своего исследователя). Осторожным дипломатам николаевского времени инициативы митрополита Петра, желавшего просвещать свой народ и устраивать государство под эгидой России, зачастую представлялись чуть ли не провокацией, а

многие его действия, которые, возможно, хорошо бы вписались в политику Екатерины II, оценивались как несвоевременные и ведущие лишь к осложнению отношений Петербурга со Стамбулом и Веней. До перемены же, вызванных Крымской войной, митрополит не дожил.

Трудно сказать, насколько Петр II сочувствовал планам своего дяди и предшественника (канонизированного через несколько лет после смерти), который мечтал об образовании единого сербского государства в границах, соответствующих будущей титовской Югославии, но без Словении и Посавской Хорватии, со столицей в Дубровнике. Подразумевалось, что оно будет подвластно русскому царю, но при руководящей роли Черногории в регионе. Петр II не возражал против таких замыслов, но хорошо осознавал необходимость масштабной работы для объединения сербов. Отчасти это задевало австрийские интересы. Тем не менее в 1848 г. митрополит поддержал бана Хорватии Й. Елачича и воеводинских сербов, сохранивших верность Габсбургам и выступивших против революционной Венгрии. Владыка даже готов был отправить на помощь им отряд черногорцев, однако Россия советовала от этого воздержаться. Незадолго до смерти Петр ввёл черногорскую валюту, названную им в честь славянского божества златным перуном, но она практически не получила распространения, и только в 1906 г. король Николай стал чеканить перпер и выпустил соответ-

ствующие банкноты. Блестящий поэт и достойный администратор, делавший всё возможное для своего отечества, Петр II скончался от туберкулёза в 1851 г. Перед смертью он успел завершить свой поэтический труд «О ложном царе Степане Малом». Митрополит не просто сохранил Черногорию, но и в значительной части создал её, используя связи с Российской империей, налаживая которые было отнюдь не легко. Черногорское государство может по праву гордиться своим выдающимся владыкой.

Книга, бесспорно, не только будет интересна широкому кругу читателей, желающих познакомиться с положением дел в уникальной и дружественной нам стране на важном этапе её развития, но и даст немалую пищу для рассуждений профессиональных историков-славистов.

Примечания

¹ Петар II Петровић Његош. Луча микроkozma. Београд, 2013.

² Подробнее см.: *Анишак Ю.П., Хитрова Н.И.* Петр II Негош – владыка, реформатор, поэт // Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013. С. 2–73; *Пейович М.Д., Распопович С., Распопович С.* Поэт славянских гор // Там же. С. 74–105. Как предисловие, так и вступительные статьи напечатаны в сборнике на двух языках – русском и сербском. Документы публикуются на языке оригинала (приводится также русский перевод текстов, написанных по-французски).